

*Эта книга посвящается
моей жене Мохинисо — с ней связано все лучшее,
что случилось со мной в жизни*

Так совпало, что 9 августа 1906 года, в день четвертой годовщины коронации короля Эдуарда VII — правителя Соединенного Королевства и Британских доминионов, императора Индии, — одному из верных подданных его величества, второму лейтенанту Леону Кортни из роты С 3-го батальона 1-го полка королевских африканских стрелков, или КАС, как называли их для простоты, исполнилось девятнадцать лет. В свой день рождения Леон выслеживал мятежных нанди вдоль Великой рифтовой долины, проходящей через центральную часть Британской Восточной Африки, по праву считавшейся жемчужиной империи.

Племена нанди — народ воинственный и весьма склонный к бунту. Спорадические восстания вспыхивали здесь на протяжении последних десяти лет, с тех самых пор, как верховный жрец и прорицатель объявил соплеменникам о грозной опасности: огромной, изрыгающей дым и пламя черной змее, что вторгнется в исконные земли нанди, неся смерть, разрушения и прочие беды. Едва только британская колониальная администрация занялась прокладкой рельсов железной дороги, протянуть которую планировалось от порта Момбаса на Индийском океане до берега озера Виктория, лежащего почти в шестистах милях от него, как нанди заволновались, посчитав строительство началом воплощения страшного пророчества, и тлевшие дотоле уголья недовольства вспыхнули с новой силой. Еще сильнее они разгорелись, когда дорога достигла Найроби и повернула на запад, через Рифтовую долину, к озеру Виктория, пересекая земли племени.

Получив от губернатора колонии сообщение о начавшемся восстании и нападениях на изолированные аванпосты вдоль предполагаемого маршрута железной дороги, командир КАС, полковник Пенрод Баллантайн, с раздражением заметил:

— Что ж, полагаю, придется задать им хорошую взбучку.

И тут же, не тратя времени даром, поручил заняться этим расквартированному в Найроби 3-му батальону.

Будь у него возможность выбора, Леон Кортни провел бы этот день иначе. Среди его знакомых была некая молодая леди, мужа которой недавно задрал разъяренный лев, причем случилась трагедия на их кофейном поле, шамбе, в нескольких милях от новой столицы колонии, Найроби. Зная Леона как бесстрашного всадника и прекрасного игрока в поло, супруг означенной дамы пригласил его сыграть в своей команде под первым номером. Разумеется, офицер младшего звания не мог позволить себе содержать хотя бы десяток пони, но на выручку пришли несколько обеспеченных членов клуба, охотно предложивших спонсорскую помощь. В качестве члена команды покойного Леон имел — или по крайней мере убедил себя в том, что имеет, — определенные привилегии.

По прошествии некоторого времени, когда вдова, как предполагалось, оправилась от первого, самого острого шока потери, Леон, оседлав коня, отправился в шамбу, дабы самолично засвидетельствовать неизменное почтение и выразить приличествующее случаю соболезнование. Молодая леди, что стало для него приятным сюрпризом, пережила утрату с достойной уважения стойкостью, а траурное платье лишь подчеркивало ее очарование — среди знакомых Леону дам, пожалуй, не было особы столь притягательной и соблазнительной.

Едва взглянув на статного юношу — в перетянутом ремнями мундире, фетровой шляпе с полковой эмблемой (лев и слоновый бивень), в начищенных до блеска сапогах, — Верити О'Хирн, так звали молодую женщину, увидела в милостивых чертах и ясных, прямодушных глазах невинность

и пыл, всколыхнувшие в ней некий женский инстинкт, который она поначалу приняла за материнский. На широкой тенистой веранде был подан чай и сэндвичи с острой соленой пастой «Джентльмен релиш». В присутствии хозяйки Леон смущался и робел, но вдова проявила великодушие, умело втягивала гостя в разговор, а мягкий ирландский акцент лишь добавлял ей очарования. Час пролетел незаметно. Когда он поднялся, хозяйка вышла с ним на крыльцо и подала на прощание руку:

— Пожалуйста, лейтенант Кортни, заходите еще, если будете поблизости. Одиночество порой становится таким тяжким бременем.

Ее негромкий низкий голос ласкал слух, а ладошка была нежная как шелк.

Обязанности младшего офицера многочисленны и нелегки, так что ответить на приглашение Леон смог только через две недели. Когда с чаем и сэндвичами покончили, хозяйка повела гостя в дом — показать охотничьи трофеи мужа, которые она желала бы продать.

— Супруг, к сожалению, оставил меня в стесненных обстоятельствах, и я принуждена искать на них покупателей. Я надеялась, что вы, как человек военный, быть может, просветите меня в отношении их стоимости.

— Буду счастлив, миссис О'Хирн, оказать вам любую помощь.

— Вы так добры. Я уже чувствую, что вы — мой друг и что я могу полностью вам доверять.

Слов для ответа не нашлось — Леон лишь смотрел в большие голубые глаза, поскольку к тому времени был полностью во власти ее чар.

— Могу ли я называть вас Леоном? — спросила вдова и, прежде чем он успел открыть рот, разразилась рыданиями. — О Леон! Я так несчастна и одинока.

С этими словами она упала в его объятия.

Он прижал вдову к груди — поскольку иначе ее было не успокоить. Миссис О'Хирн оказалась легкой как перышко, и ее прелестная головка так уютно устроилась на его плече.

Потом Леон не раз пытался воссоздать в памяти дальнейшие события, но все смешалось в захлестнувшем его восторге. Он даже не помнил, как они оказались в ее комнате с большой железной кроватью, на пуховом матрасе которой молодая вдова открыла для него двери рая и навсегда повернула ту ось, вокруг которой вращалась жизнь юного лейтенанта.

Вот и теперь, по прошествии нескольких месяцев, ведя за собой под полуденным маревом отряд численностью в семь аскар, призванных на службу из местных племен, лейтенант Кортни думал не столько о возложенном на него поручении, сколько о соблазнительной груди Верити О'Хирн. Развернутым строем, с примкнутыми штыками, они бесшумно пересекали густую банановую плантацию, в глубине которой находилась резиденция окружного комиссара.

Закрывающий левый фланг сержант Маниоро негромко прищелкнул языком, и Леон, вырванный этим сигналом из будуара Верити, замер от неожиданности. Отдавшись грезам, он совершенно забыл о деле. Нервы мгновенно напряглись, как леса, натянутая крупным марлином, ушедшим резко в глубь синих вод пролива Пемба. Он поднял правую руку, приказывая остановиться, и шеренга аскар тоже замерла. Леон скосил глаз в сторону сержанта.

Имевший у масаи звание воина — моран, Маниоро являл собой прекрасный образчик этого гордого племени — высокий, выше шести футов, сухощавый и стройный, как тоreadор, он и форму хаки, и феску с кисточкой носил с изяществом и щегольством африканского воина.

Поймав взгляд Леона, сержант кивком указал вверх.

Подняв голову, лейтенант увидел двух стервятников, крыло в крыло круживших над крышами бомы — усадьбы комиссара округа Ниомби.

— Вот дерьмо! — выругался шепотом Леон.

Беды он не ждал — очаг восстания, если верить последним сообщениям, находился примерно в семидесяти милях к западу, тогда как британский аванпост располагался

во владениях масаи, за пределами территорий, традиционно считавшихся землями нанди. Поставленная перед Леоном задача сводилась к тому, чтобы силами отряда обеспечить охрану представительства, если пламя мятежа перекинется через племенные границы. Похоже, именно это и случилось.

Окружным комиссаром в Ниомби был Хью Тервей. Леон познакомился с ним и его женой перед Рождеством, на балу в «Клубе поселенцев» в Найроби. Будучи года на три или четыре старше Леона, Тервей управлял территорией размером с Шотландию. Хью заслуженно пользовался репутацией человека солидного и вряд ли позволил бы кучке разбушевавшихся дикарей захватить себя врасплох. Тем не менее кружившие над бомой стервятники не предвещали ничего хорошего.

Леон махнул рукой — заряжай! — и затворы щелкнули, загоня патроны калибра .303 в патронник длинноствольных «ли-энфилдов». Еще один сигнал — и отряд осторожно двинулся вперед рассыпным строем.

Всего две птицы, подумал Леон. Может, просто отбились от стаи. Случись что-нибудь, собралась бы вся... Впереди шумно захлопали крылья, и из-за соседней полосы банановых деревьев поднялся еще один стервятник. По спине прошел холодок. Если эти твари сели, значит где-то рядом пожива. Мертвечина.

Он снова поднял руку — стой! Ткнул пальцем в Маниоро — тот кивнул и двинулся дальше один. Сержант последовал за ним. И хотя крался лейтенант осторожно, практически бесшумно, он все равно потревожил еще нескольких падальщиков. В одиночку и парами, хлопая тяжелыми крыльями, поднимались они в голубое небо, присоединяясь к кружащим в вышине собратьям.

Выступив из-за последнего дерева, Леон снова остановился у края открытого плаца. Впереди блестели под солнцем сложенные из кирпича-сырца и обмазанные известью стены бомы. Передняя дверь главного здания распахнута настежь. На веранде и на плацу обломки мебели, мусор, бумажки — свидетельства разграбления.

Хью Тервей и его жена Хелен лежали распластавшись посреди двора, оба раздетые догола. Рядом их пятилетняя дочь. Девочку закололи ассегаем, коротким копьем с широким лезвием. Ей хватило одного удара в грудь. Кровь вытекла из тела через страшную рану, и кожа под яркими солнечными лучами казалась белой, как соль. Родителей распяли, загнав в руки и ноги заостренные деревянные колышки.

Похоже, кое-чему у миссионеров эти нанди все же научились, с горечью подумал Леон, пробегая цепким взглядом по периметру плаца. Удостоверившись, что повстанцы ушли, он осторожно, обходя мусор, сделал несколько шагов вперед. И без того жуткая картина выглядела вблизи еще ужаснее: Хью оскопили, у Хелен отрезали груди. В ранах успели похозяйничать стервятники. В рот каждому из супругов вогнали деревянные клинья. Подойдя к обезображенным телам, Леон в недоумении уставился на них, потом повернулся к приблизившемуся бесшумно Маниоро.

— А это зачем? — спросил он на кисуахили¹.

— Их утопили, — негромко ответил сержант.

Действительно, земля под головами убитых еще хранила следы пролитой и успевшей высохнуть жидкости. Присмотревшись, Леон заметил кое-что еще: ноздри супругов были забиты комочками глины — несчастных заставили дышать через рот.

— Утопили? — Лейтенант непонимающе покачал головой, но уже в следующее мгновение уловил в воздухе резкий запах мочи. — Нет!

— Да. Нанди часто поступают так с врагами. Мочатся им в рот, пока те не захлебнутся. Нанди — не люди, они павианы!

Маниоро произнес это с нескрываемым презрением к извечным врагам своего народа.

— Хотел бы я найти тех, кто это сделал, — пробормотал Леон, с трудом сдерживая вытесняющий отвращение гнев.

¹ *Кисуахили* — «язык побережья», самоназвание языка суахили, одного из самых распространенных на Африканском континенте.

— Я найду их. Далеко они не ушли.

Лейтенант отвел глаза от омерзительного зрелища — перед ними возвышалась высоченная, в тысячу футов, стена разлома. Он снял шляпу и, не выпуская из руки револьвер, вытер влажный от пота лоб. Потом, с видимым усилием совладав с разбушевавшимися чувствами, заставил себя опустить взгляд.

— Сначала похороним убитых. Нельзя оставить их просто так, на корм птицам.

Короткий обход зданий ничего не дал — служащие, судя по всему, бежали при первых признаках опасности. Потом Леон отправил Маниоро и трех аскари на плантацию — проверить, не укрылся ли враг там, и выставить посты.

Раздав поручения, лейтенант направился в небольшой коттедж за главным зданием, где жила семья Тервей. Домик тоже подвергся разграблению, однако ему удалось найти в комодe чудом сохранившуюся стопку простыней, с которыми он и вернулся во двор.

Сначала Леон вытащил колышки из рук и ног супругов, потом клинья из разорванных ртов. Клинья загоняли без церемоний, ломая зубы и плюща губы. Смочив шейный платок водой из фляги, он вытер лица от засохшей крови и мочи и попытался выпрямить руки, но их уже сковало трупное коченение. Придав телам по возможности благопристойный вид, Леон завернул их в простыни.

Земля была мягкой и влажной после прошедших недавно дождей. Пока лейтенант с тремя аскари стоял на страже, четверо других вырыли для семьи общую могилу.

На краю обрыва, чуть ниже линии горизонта, скрытые от взглядов снизу полоской кустарника, стояли, опершись на копыя и без малейших усилий балансируя на одной ноге — в позе отдыхающего аиста, — трое мужчин. Внизу под ними раскинулась Рифтовая долина — громадная равнина, необъятное пастбище, бурюю гладь которого нарушали встречающиеся кое-где заросли колючих кустарников да рощицы акаций. Трава хоть и выглядела выгоревшей и по-

жухлой, служила хорошим кормом и высоко ценилась у масаи, пасших здесь свои стада. Правда, из-за недавнего восстания на соседних землях животных пришлось перегнать к югу, в более спокойные районы, — нанди испокон веку считались умелыми скотокрадами.

Эта часть долины оставалась в распоряжении дикого зверья, представленного здесь в великом множестве и разнообразии. Вдалеке, почуяв опасность, пугливо метнулся в сторону табун зебр — и взбитое копытами серое облачко пыли полетело стремглав над равниной. Темными пятнами на золотистом фоне казались сверху конгони, гну и буйволы. Над плоскими верхушками акаций возвышались телеграфными столбами длинношеие жирафы. В колышущемся от зноя воздухе подрагивали, словно пританцовывая, кремовые пушинки — антилопы. Тут и там живую ткань мелкой живности разрывали толстокожие великаны — носороги и слоны, — похожие издали на катящиеся гулко черные вулканические камни. Казалось, океанские корабли проходят через косяки сардин.

От этого буйства дикой, первозданной жизни захватывало дух, однако для трех наблюдателей картина была обыденной и привычной. Куда больше их интересовала кучка тесно сбившихся домишек. Окружавшая крохотный поселок стена деревьев пышно зеленела благодаря бьющему у подножия источнику.

Старший из тройки щеголял в юбочке из леопардовых хвостов и головном уборе из пятнистой, золотистой, с черными пятнами шкуры того же зверя — подобные регалии полагаются верховному шаману племени нанди. Звали шамана Арап Самой, и именно он вот уже десять лет возглавлял восстание против белых захватчиков и их адских машин, угрожавших осквернить священные земли его народа. Лица и тела сопровождавших жреца воинов украшала боевая раскраска: нанесенные охрой красные круги вокруг глаз и грубые, напоминающие рваные раны мазки на щеках. Точки от жженого лайма на голой груди образовывали рисунок, имитирующий хохолок цесарки. Их юбки были

сшиты из шкуры газели, головные уборы — из меха виверры и обезьяны.

— Мзунгу¹ и его псы-масаи попали в ловушку, — сказал Арап Самой. — Я рассчитывал на большее, но семь масаи и один мзунгу тоже неплохая добыча.

— Что они делают? — спросил, закрываясь ладонью от палящего солнца, стоявший справа от шамана вождь.

— Копают яму для той белой мрази, что мы им оставили, — усмехнулся Самой.

— Не пора ли насадить их на наши копья? — осведомился третий воин.

— Пора, — согласился верховный жрец. — Только мзунгу оставьте мне. Я сам отрежу ему яйца и приготовлю из них снадобье. — Он тронул рукоять панги, висевшей на поясе из леопардовой шкуры. Такие ножи, короткие, с широким тяжелым лезвием, нанди пускали в ход в рукопашном бою. — Хочу, чтоб он визжал, как бородавочник в клыках леопарда. И чем громче будет орать мзунгу, тем сильнее получится снадобье.

Жрец повернулся, поднялся на самую вершину склона и взглянул вниз, где в высокой траве терпеливо ожидали сигнала его воины. Самой вскинул руку, и импи² молниеносно, но беззвучно, чтобы не выдать себя врагу, вскочили на ноги.

— Плод созрел! — провозгласил Самой.

— И ждет клинка! — хором отозвались воины.

— Спустимся же и соберем урожай!

Могила была готова принять приготовленный для нее дар. Леон кивнул Маниоро, и тот отдал своим людям негромкий приказ. Двое прыгнули в яму, остальные подали им завернутые в простыни тела. Два больших свертка положили бок о бок на земляное дно, маленький сунули меж-

¹ *Мзунгу* — человек европейского происхождения. Это слово среди народов группы банту имеет презрительный оттенок.

² *Импи* — воинские отряды, или армия на зулусском языке.

ду ними. Получилось трогательно — трое близких, навеки соединившихся в смерти.

Леон, сняв шляпу, опустил на колени у края могилы. Солдаты-масаи по приказу сержанта выстроились у него за спиной. Леон начал читать «Отче наш». Аскарки не понимали слов, но знали их значение, поскольку уже не раз наблюдали такого рода церемонии.

— Ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки. Аминь! — закончил Леон.

Не успел он выпрямиться, как гнетущую тишину знойного африканского дня раскололи оглушающие вопли и крики. Бросив руку к висевшей на пояском ремне кобуре, из которой высовывалась рукоятка «уэбли», Леон оглянулся.

Из банановой плантации выкатилась шумная, улюлюкающая толпа. Темные, влажные от пота тела блестели на солнце. Воины нанди были повсюду — слева и справа, сзади и спереди. Они прыгали, скакали, пританцовывали и размахивали оружием, и солнечные блики тоже прыгали, отражаясь от наконечников дротиков и лезвий панги. Нанди колотили дубинками в щиты из сыромятной кожи. И вся эта дикая, орущая орава с каждым мгновением приближалась к крохотной группке солдат.

— Ко мне! — взревел Леон. — В строй! Заряжай! Заряжай! Заряжай!

Аскарки моментально окружили его плотным кольцом, выставив винтовки с примкнутыми штыками. Мгновенно оценив ситуацию, Леон понял, что кольцо окружения вот-вот сомкнется и им не осталось ничего иного, как только отступить к главному корпусу, — беспорядочный строй атакующих разломился, достигнув здания, и еще не успел сомкнуться за ним.

— Огонь! — крикнул Леон.

Аскарки выстрелили, но треск винтовок почти утонул в гуле голосов и грохоте колотушек. Упал только один из нанди — вождь, судя по головному убору из шкур колобуса. Голова его дернулась назад, наткнувшись на тяжелую свинцовую пулю, и из затылка вырвался фонтанчик крови.

Смерть вождя вроде бы остудила атакующий порыв нанди; наступающие на мгновение смешались, однако их подстегнул злобный крик державшегося в арьергарде шамана. Заметив человека в леопардовой шкуре, Леон сразу решил, что это и есть предводитель мятежников, тот самый шаман по имени Арап Самой. Лейтенант торопливо, не целясь, выстрелил в него из револьвера, но их разделяло не менее пятидесяти шагов, а короткоствольный «уэбли» все-таки оружие ближнего боя. Ни одна из пуль в цель не попала.

— Ко мне! — снова крикнул Леон. — Сомкнуть строй! Теснее! За мной — бегом!

Он первым устремился в узкую брешь между двумя крыльями приближающегося противника. И им почти удалось добежать до главного здания, когда нанди поняли, что происходит, и поспешили наперерез. Еще секунда-другая, и стороны схватились в рукопашной.

— Штыками! — скомандовал Леон и выстрелил в гримасничающую физиономию, которая внезапно возникла перед ним.

Нанди упал, и его место тут же занял другой. Маниоро вонзил ему в грудь штык и перепрыгнул через падающее тело. Леон рванулся за сержантом. До ступенек веранды оставалось несколько шагов, однако, чтобы добраться до порога, им на двоих пришлось свалить еще трех нанди — кого-то штыком, кого-то пулей. К этому моменту из всего отряда только они двое и остались на ногах — остальные валялись на земле, пронзенные копьями.

Взлетев с разбегу на веранду, лейтенант нырнул в большую комнату. За спиной у него Маниоро захлопнул тяжелую дверь. В следующий момент они были у окон и палили в нанди. Не прошло и нескольких секунд, как на ступеньках лежало с полдюжины тел — столь убийственно точен был их огонь. Встретив жесткий отпор, нанди отхлынули от двери и обратились в бегство, рассеиваясь по плантации.

Проводив неприятеля взглядом, Леон принялся перезаряжать револьвер.

— Сколько у тебя патронов? — обратился он к Маниоро, стоявшему у другого окна.

Рукав сержанта был рассечен ударом панги, но кровь уже остановилась, и воин-масаи не обращал на рану внимания.

— Две обоймы, бвана¹, — ответил он, открывая затвор и неспешно закладывая патроны в магазин. — Но там есть еще.

Маниоро выглянул в окно. Шесть его соплеменников пали на плацу и сейчас лежали там среди полуголых врагов. У каждого из масаи остался почти полный патронташ.

— Выйдем и заберем патроны, пока нанди не опомнились, — решил Леон.

Маниоро, закончив снаряжать магазин, закрыл затвор и прислонил винтовку к подоконнику.

Лейтенант сунул в кобуру револьвер и тоже подошел к двери. Несколько секунд они просто стояли у порога, набираясь решимости для рискованной вылазки. Сержант посмотрел ему в глаза, и Леон ободряюще усмехнулся. Хорошо все-таки, что рядом не кто-то, а именно Маниоро. Они были вместе с тех самых пор, как он прибыл из Англии и поступил в полк. Прошел всего лишь год, но за это время у них сложились крепкие отношения.

— Готов?

— Готов, бвана.

— Вперед, стрелки!

Леон распахнул дверь, и они выскочили из дома. Ступеньки были скользкие от крови и завалены телами убитых; лейтенант перепрыгнул через неожиданное препятствие и рванул к ближайшему аскари. Подбежав, упал на колени, быстро расстегнул ремень, стащил тяжелые ленты и перебросил через плечо. На все ушло несколько секунд.

¹ *Бвана* — начальник, господин; обращение к вышестоящему лицу на суахили.

Леон метнулся к другому убитому, и тут со стороны банановой плантации донеслись громкие, злобные крики. Не обращая внимания на шум, он упал рядом со вторым солдатом и поднял голову только после того, как перекинул через плечо еще один патронташ. Нанди уже подбегали к плацу. Лейтенант вскочил.

— Назад, в дом! Быстрее! — крикнул Леон обвешанному лентами сержанту, который продолжал собирать боеприпасы.

Лейтенант задержался подобрать винтовку, валявшуюся неподалеку от мертвого солдата, и лишь потом побежал к веранде. У ступенек он оглянулся — Маниоро отстал на несколько шагов, а первые нанди уже достигли плаца и быстро приближались.

— Едва успели! — выдохнул Леон и вдруг увидел, что один из преследователей снимает с плеча тяжелый лук, — с такими обычно выходили охотиться на слонов. Холодок тревоги пробежал по спине. Нанди были умелыми лучниками. — Беги, черт возьми, беги! — крикнул он, потому что нанди достал длинную стрелу и натянул тетиву так, что оперенье коснулось губ. В следующее мгновение лучник разжал пальцы, и стрела бесшумно устремилась по высокой дуге вперед, к цели — незащищенной спине Маниоро. — Берегись!

Конечно, предупреждение запоздало, и ему оставалось только наблюдать.

— Боже... — успел прошептать Леон. — Боже, не надо!

В какой-то момент показалось, что стрела разминется с целью, просто не долетит — уж больно резко она нырнула... Надежда прожила лишь долю секунды. Подстегнутый отчаянным желанием помочь, лейтенант дернулся и... остановился. Самого удара Леон не увидел — стрела ударила в Маниоро сзади, — зато услышал глухой звук рвущейся плоти. Сержант оглянулся — длинный наконечник глубоко вошел в бедро — и попытался сделать шаг, но раненая нога подвернулась. Леон сбросил с плеча патронные лен-

ты, швырнул их и винтовку в открытую дверь и побежал назад. Маниоро прыгал ему навстречу, волоча ногу, из которой торчало, покачиваясь, тонкое древко. Вторая стрела просвистела на расстоянии ладони от уха — Леон вздрогнул, ощутив движение воздуха, — и ударилась в стену веранды.

Добежав до сержанта, он обхватил его правой рукой, взвалил на спину и поспешил к дому. Удивительно, но при высоком росте масаи оказался очень легким. Лейтенант весил фунтов на двадцать больше, и это были двадцать фунтов мышц. Сил добавляли страх и отчаяние. Добравшись до веранды, он без особых церемоний свалил Маниоро в дальний угол и сам одним прыжком перемахнул через стену. Вокруг стучали стрелы. Не обращая на них внимания, Леон легко, как ребенка, поднял масаи на руки и протиснулся вместе с ним в дверь. А секундой позже нанди добежали до стены.

Леон опустил Маниоро на пол, схватил винтовку, которую забрал у мертвого аскари, повернулся, успев загнать патрон в патронник, и через оставшуюся открытой дверь выстрелил во влезшего на веранду нанди. Потом передернул затвор и выстрелил еще раз. И еще. Когда патронов в обойме не осталось, Леон захлопнул дверь. Сделана она была из толстых, тяжелых досок красного дерева; прочная рама глубоко сидела в стене. Тем не менее и она содрогнулась под натиском разъяренных нанди. Леон выхватил револьвер и дважды выстрелил через дверь. С другой стороны донесся короткий крик боли. И тишина. Леон ждал. За дверью пошептались, босые ноги прошлепали по деревянному полу веранды... Внезапно в одном из окон появилась раскрашенная физиономия. Леон вскинул руку с револьвером, но спустить курок не успел — за спиной у него грохнула винтовка. Голова исчезла.

Лейтенант оглянулся — Маниоро как-то прополз через комнату до противоположной стены и даже поднялся, опираясь на винтовку, которую, выходя пару минут назад, оста-

вил у подоконника. Сержант выстрелил еще раз. Леон услышал чавкающий звук пули и, мгновение спустя, плотный удар упавшего тела.

— Моран! Воин! — пропыхтел он.

Масаи улыбнулся, принимая комплимент:

— Не сваливай на меня всю работу, бвана. Прикрой второе окно.

Леон убрал в кобуру револьвер, схватил винтовку и подбежал к открытому окну. Он даже успел снарядить магазин — две обоймы по пять патронов. Ему нравился «ли-энсфилд» — держать в руках такое оружие одно удовольствие. Встав у окна, он открыл беглый огонь. Маниоро поддержал командира, и нанди, никак не ожидавшие такого отпора, резво очистили плац, укрывшись за банановыми пальмами.

Сержант медленно сполз на пол и, прислонившись к стене, вытянул ноги, положил раненую на здоровую, чтобы торчащая из бедра стрела не касалась пола.

Еще раз выглянув в окно и убедившись, что враг отступил и на плацу никого не осталось, Леон подошел к Маниоро и, присев на корточки, осторожно потянул стрелу за древко. Воин моргнул. Леон потянул чуть сильнее, но зазубренный наконечник сидел прочно и не поддавался. Сержант не издал ни звука, не скрипнул зубами, только по лицу катился и падал на тунику крупный, с горошину, пот.

— Вытянуть не смогу, — сказал Леон. — Придется обломать древко, а ногу перевязать.

Маниоро посмотрел на него пристально и без всякого выражения, потом широко улыбнулся, показав ровные белые зубы. Мочки ушей у него были проколоты еще в детстве, дырочки затем растянули, и теперь в них висели костяные диски, придававшие лицу лукавое и даже немного проказливое выражение.

— Вперед, стрелки! — ответил он, подражая лейтенанту, и это прозвучало так неожиданно, так странно, с легким пришепетыванием, что Леон негромко хохотнул и тут же, воспользовавшись моментом, переломил тростниковое

древко близко к тому месту, где оно выступало из сочащейся кровью раны.

Маниоро зажмурился, но стерпел молча.

Перевязочный материал лейтенант нашел в патронной сумке, которую принес с плаца, взяв у убитого аскари. Рану он постарался перемотать поплотнее, чтобы обломок по возможности не смещался, а закончив работу, выпрямился и оценил ее критическим взглядом. Потом снял с пояса фляжку с водой, сделал несколько глотков и протянул ее Маниоро. Масаи заметно смутился: аскари не полагалось пить из офицерской фляжки. Леон нахмурился и настойчиво сунул ее в руку сержанту:

— Пей, черт тебя дерит! Это приказ!

Маниоро откинул голову и, высоко подняв бутылку, наклонил ее так, чтобы вода лилась в рот, а горлышко не касалось губ. Кадык подпрыгнул три раза — масаи сделал три глотка, после чего туго забил пробку и вернул бутылку Леону:

— Слаще меда.

— Как только стемнеет, будем выбираться, — сказал Леон.

Маниоро ненадолго задумался.

— Куда пойдешь?

— Мы пойдем той же дорогой, какой и сюда шли. — Лейтенант выделил «мы». — Надо обязательно вернуться к железной дороге.

Маниоро усмехнулся.

— Что тебя рассмешило, моран? — нахмурился Леон.

— До железной дороги никак не меньше двух дней, — напомнил Маниоро и, покачав головой, многозначительно провел ладонью по повязке. — Ты пойдешь один, бвана.

— Уж не надумал ли ты дезертировать? Знаешь, это ведь серьезное преступление, за него расстреливают и... — Леон не договорил, — уловив движение за окном, он схватил винтовку и трижды выстрелил в сторону плаца. По крайней мере одна пуля нашла живую цель — кто-то зло вскрикнул от боли. — Павианы! — проворчал он. На кисуа-

хили сравнение с этой обезьяной считалось оскорбительным. — И сыновья павианов. — Он положил винтовку на колени, потянулся за патронташем и, не глядя на масаи, добавил: — Пойдем вместе. Я тебя понесу.

— Ты понесешь меня, бвана? — вежливо спросил Маниоро и, насмешливо улыбнувшись, добавил: — А ты не забываешь, что нас будут преследовать? И что, будешь нести меня все два дня? Ты это хочешь сказать? Я не ослышался?

— Да. Но может быть, мой умудренный опытом и остроумный сержант предложит лучший план? — вопросом на вопрос ответил Леон.

— Два дня! — Маниоро закатил глаза. — В таком случае мне стоит называть тебя лошадью.

Немного помолчали. Первым снова заговорил Леон:

— Говори же, о мудрейший. Дай совет.

Помолчав немного, Маниоро кивнул:

— Земля, на которой мы сейчас, принадлежит не нанди. Здесь пастбища моего народа. Эти подлые трусы вторглись во владения масаи.

Леон кивнул. На его карте границ, о которых говорил Маниоро, разумеется, не было, и в полученном им приказе ни о каких разграничениях речи не шло. Начальство, скорее всего, не имело ни малейшего представления о тонкостях межплеменного территориального размежевания, однако до начала восстания Леон не раз бывал в этих местах, когда их высылали в пешие патрули.

— Это я знаю — ты сам мне объяснял. А теперь расскажи, какой у тебя план.

— Если ты пойдешь к железной дороге...

Леон поднял руку:

— Ты хочешь сказать — если мы пойдем к железной дороге.

Маниоро едва заметно склонил голову в знак согласия:

— Если мы пойдем в том направлении, то покинем наши земли и углубимся во владения нанди. Они осмелеют и будут преследовать нас, как стая голодных гиен. А вот

если двинемся по долине, — Маниоро указал подбородком на юг, — то останемся на земле масаи и каждый наш шаг будет добавлять страху в трусливые сердца нанди. Далеко они не пойдут — не осмелятся.

Леон, обдумав предложение сержанта, с сомнением покачал головой:

— На юге ничего нет, только лес и горы, а мне нужно поскорее доставить тебя к врачу, пока рана не загноилась. Тогда придется отрезать ногу.

— До маньяты¹, где живет моя мать, отсюда день пути, — сказал Маниоро.

Вот так сюрприз! На секунду Леон опешил — мысль о том, что у сержанта есть родители, почему-то не приходила ему в голову, — потом, оправившись от удивления, вздохнул:

— Ты не понял. Нам нужен доктор, человек, который сможет вытащить стрелу и не даст тебе умереть.

— Лучшего доктора, чем моя мать, здесь не найти. Она знаменитая шаманка, и ее знают все, от океана до больших озер. Она спасла сотни моранов, раненных копьем или стрелой или пострадавших от когтей льва. У нее есть снадобья, которые и не снились вашим белым докторам в Найроби.

Маниоро прислонился к стене. Кожа его приобрела нездоровый сероватый оттенок, и в запахе пота проступала неприятная, кисловато-тухлая нотка. Секунду-другую мужчины молча смотрели друг на друга, потом Леон кивнул:

— Ладно. Пойдем на юг, по долине. Тронемся, как только стемнеет, пока не взошла луна.

Маниоро снова выпрямился и, вытянув шею, поводит носом, как делает охотничий пес, улавливая далекий, едва различимый запах.

— Нет, бвана. Если пойдем, то выходить надо прямо сейчас. Ты разве не чувствуешь?

Леон втянул влажный солоноватый воздух.

— Дым, — прошептал он. — Эти свиньи решили выкурить нас отсюда. — Он посмотрел в окно. На плацу никого

¹ *Маньята* — деревня масаи.

не было, но это не значило, что нанди ушли. Скорее всего, они уже подобрались к дому с тыльной стороны, где окон не было вовсе. Лейтенант взглянул на густую стену банановых пальм — листья едва заметно подрагивали под легким ветерком. — Ветер с востока, это нам на руку. — Он перевел взгляд на Маниоро. — Захватим только самое необходимое, ни унции лишней. Винтовки и патронташи придется оставить. Возьмем по штыку и по фляжке воды. Больше ничего. — С этими словами лейтенант связал три поясных ремня и перекинул петлю через голову на правое плечо. Потом подобрал фляжку, поднес к уху, встряхнул. — Меньше половины. — Он перелил воду из других фляжек в свою и Маниоро. — Что не влезло, выпьем сейчас.

Сказано — сделано. Оставшуюся воду выпили.

— Ну, сержант, вставай. Пора уходить.

Леон обнял масаи за плечи и помог подняться. Стоя на здоровой ноге, Маниоро повесил на пояс фляжку и прицепил штык. Что-то тяжелое упало на крытую тростником крышу прямо у него над головой.

— Факелы, — буркнул Леон. — Подобрались к дому сзади и теперь бросают факелы.

За первой головней прилетела вторая. Запах горелого резко усилился.

— Надо поторапливаться.

Тонкое щупальце черного дыма вытянулось вдоль окна, свернулось и, подхваченное ветром, поплыло наискосок через плац, к банановой плантации. Издалека донеслись возбужденные крики — серая завеса на мгновение рассеялась и тут же сгустилась, скрыв от глаз посаженных не только банановую плантацию, но и плац. Пламя затрещало, разгораясь, заревело глухо, и в этом реве утонули даже восторженные вопли нанди. Горячий, удушающий дым хлынул в комнату. Леон оторвал полоску от полы рубашки и протянул Маниоро.

— Прикрой лицо! — распорядился он, подтягивая на нос шейный платок. — Пошел!

Лейтенант легко перебросил воина-масаи через подоконник и сам прыгнул вслед за ним.